

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-450-462
EDN: DUHPKI
УДК 82-192

Научная статья / Research article

Деконструкция/реконструкция советского мифа в стихотворении Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна»

Л.Г. Кихней

*Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль,
Российская Федерация
Московский университет им. А.С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация*
lgkihney@yandex.ru

Аннотация. Исследуются стратегии и тактики освоения «советского текста» в стихотворении Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна». Выявлено, что концептосфера советской эпохи, представленная в стихотворении, формируется как система «фреймов», состоящая из константных и переменных элементов. Доказано, что инвариантные составляющие реализуются на уровне композиции, переменные — связываются с мотивно-образным наполнением этих фреймов. Определить механизмы их формирования позволил подробный анализ семантической структуры стихотворения: был выявлен ряд интертекстуальных, в частности, песенных отсылок, формирующих смысловое поле кибировского стихотворения. В работе последовательно выявлены и описаны все составляющие фреймов, сделан вывод о том, что они связываются с идеологической мифологией советской эпохи, реализуемой в советском бытии и искусстве соответствующих периодов. Также в исследовании определено положение Кибирова на оси традиции, показаны его комплексные отношения с концептуализмом (заявленные на уровне рамы текста). Основной вывод заключается в фиксации амбивалентного взгляда Кибирова на мировоззренческие концепты и пропагандистские проекты советской эры. Доказано, что именно Кибиров впервые применяет технику «двойного взгляда» на советские идеологемы, балансируя между ироническим отстранением и личной включенностью в мировоззренческий контекст эпохи.

© Кихней Л.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: концептуализм, социокультурные фреймы, идеологема, советская история, механизм рецепции

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.; отрецензирована 20 мая 2024 г.; принята к публикации 20 июня 2024 г.

Для цитирования: Кихней Л.Г. Деконструкция/реконструкция советского мифа в стихотворении Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 450–462. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-450-462>

Deconstruction/reconstruction of Soviet myth in T. Kibirov's poem “Love, Komsomol, and Spring”

Lyubov G. Kihney

*Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russian Federation;
Moscow University named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russian Federation*
✉ lgkihney@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to strategies and tactics of engaging with the ‘Soviet text’ in T. Kibirov’s poem “Love, Komsomol, and Spring”. It identifies that the conceptual sphere of the Soviet era, as represented in the poem, was formed as a system of ‘frames’, consisting of constant and variable components. The work proves that the invariant aspects are implemented at the level of composition, while the variable ones are connected with themes and images of contents of the frames. A detailed analysis of semantic structure of the poem allowed for identification of the main principles of construction of the frames as a series of intertextual references, to songs in particular, forming the semantic field of Kibirov’s poem. The study consistently reveals and describes all the components of these frames, concluding that they are connected with ideological mythology of the Soviet era represented in the Soviet life and art of corresponding periods. Additionally, the research locates Kibirov’s position on the axis of tradition, demonstrating his complex relationship with conceptualism (indicated at the level of framework of the text). The main proposition of the article is to demonstrate Kibirov’s ambivalent view on the ideology and propaganda projects of the Soviet period. It proves that Kibirov was the first to employ the method of ‘double perspective’ on Soviet ideologemes, balancing between ironic detachment and personal involvement in the worldview context of the age.

Key words: conceptualism, sociocultural frames, ideologeme, Soviet history, reception mechanism

Acknowledgements and Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 10, 2024; revised May 20, 2024; accepted June 20, 2024.

For citation: Kihney, L.G. (2024). Deconstruction/reconstruction of Soviet myth in T. Kibirov's poem "Love, Komsomol, and Spring". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 450–462. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-450-462>

Введение

Поэтическое творчество Тимура Кибирова пользуется заслуженным вниманием у критиков и литературоведов. Его лирика рассматривается в контексте постмодернистских установок (Левин, 1995; Эпштейн, 2005, с. 437–448; Липовецкий, 2008, с. 575–576), в рамках школы московского концептуализма (Зорин, 1991; Гандлевский, 1994; Немзер, 2005); ряд работ посвящен отдельным аспектам его художественного мира (Багрецов, 2005; Нурмухамедова, 2008), мотивике и поэтике отдельных произведений (Бойцова, 2020; Лейбов и др., 2020). Представляется актуальным и важным среди названных аспектов вычленить проблему художественной рефлексии Кибирова по отношению к советскому дискурсу. Рассмотрению этой — стержневой, на наш взгляд, проблемы кибировского творчества, — посвящена настоящая статья; непосредственным материалом исследования стало стихотворение «Любовь, комсомол и весна» (1987).

Функции рамочных компонентов текста

В раме анализируемого текста есть посвящение одному из самых ярких представителей концептуализма, Дмитрию Александровичу Пригову, адресованный посыл которому эксплицирован дважды. Первый раз — в упомянутом посвятельном индексе. Причем это посвящение в оглавлении к сборнику «Стихи» перенесено в заглавие: «Любовь, комсомол и весна. Д.А. Пригову» (Кибиров, 2005, с. 855). Второй раз упоминание о Пригове мы находим в самом тексте стихотворения, а именно в его финальной строке: «А Дмитрий Алексаныч тут как тут» (Кибиров, 2005, с. 831).

Кроме того, в раме текста есть адресная отсылка и к другому известному московскому концептуалисту, Сергею Гандлевскому. В эпитафю вынесен первый стих его известного стихотворения «Отечество, предание, геройство...» о пионере, героически спасшем поезд от крушения (Кибиров, 2005, с. 823).

Столь явная коммуникация с собратьями по концептуалистскому цеху свидетельствует о том, что автор позиционирует себя в русле концептуализма с его установкой на деконструкцию советского мифа, модусным проявлением которой стала тотальная ирония над социалистической действительностью и развенчание ее как утопии.

В финале статьи мы вернемся к концептуальной значимости посвящения Пригову, сейчас же обратим внимание на смысл эпитафю, очерчивающего тематический ареал стихотворения.

Кибиров как бы совершает «клавишную прогулку» по истории *Отечества*¹, начиная со времен гражданской войны и заканчивая перестройкой. При этом его упоминательная клавиатура фиксирует разные стадии восприятия советской эпохи глазами молодых, преломленные «магическим кристаллом» социокультурного *предания*, то есть мифа.

Как формируется и трансформируется советский миф?

Для ответа на этот вопрос Кибиров ставит семиотический эксперимент. Цель последнего двоякая: это одновременно реконструкция и деконструкция советского мифа.

Поэт делит всю советскую эпоху на пять периодов, нумеруя их:

- 1) 1920-е гг. (гражданская война, становление советского государства);
- 2) 1930-е гг.;
- 3) конец 1950-х – первая половина 1960-х гг. («оттепель»);
- 4) вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг. («застой»);
- 5) вторая половина 1980-х гг. (перестройка) [напомним, что стихотворение написано в 1987 г.].

Это членение, соответственно, формирует и композиционную структуру текста. Заметим, что 1940-е гг. в данном историческом перечне пропущены. Это и понятно: героика и трагедия Великой Отечественной войны не располагают автора ни к иронической модальности, ни к деконструктивистским экспериментам.

Все периоды, пронумерованные автором, в текстовом пространстве стихотворения сопологаются и разворачиваются по типу фреймов, организующих социокультурную информацию в четкую систему. В этой системе есть постоянные (константные) и переменные (обновляемые) элементы. Постоянные элементы организуют композиционные блоки кибировского текста, задают своеобразный набор «слов»; переменные элементы – мотивы и образы – наполняют эти «слоты».

Константные композиционные блоки и устойчивые мотивно-образные элементы

К постоянным элементам отнесем кольцевую композицию, создаваемую анафорическими и эпифорическими формулами. Описание каждого периода советской истории начинается словами: «Они сидят в обнимку на...» и заканчивается: «Заря встает над обновленной землею».

¹ Здесь и далее курсив мой. – Л.К.

К константным элементам, композиционно обрамляющих каждый период, относятся наши герои – комсомольцы, их позы и неизменность времяпрепровождения – чтение основополагающих партийных трудов, что, заметим, создает неизбывный гротескно-комический эффект, например: «...Они в обнимку тесную читают / Весь „Краткий курс истории ВКП(б)”. И конспектируют» (Кибилов, 2005, с. 826).

Сохраняется также и принцип вещной портретизации: в начале каждого периода описывается одежда комсомольцев, которая, будучи знакомым элементом времени, меняется, но сам способ внешней характеристики героев остается неизменным. Переходящей из периода в период оказывается одна из портретных деталей юноши – его кудрявый чуб.

Далее в каждом периоде мы наблюдаем гомогенность пространственного членения: окружающее комсомольцев пространство распадается на аксиологически противопоставленные блоки. Причем это не столько пространственное, сколько условно-временное миромоделирование. *Сзади* – негативные явления и события, направленные против советского проекта, то, с чем борются прогрессивные силы страны, включая наших героев. *Впереди* – светлое настоящее, претворяемое в грядущее.

Антиномичность этих минифреймов, повторяющихся из периода в период, подчеркнута идентичными текстовыми формулами. Вот так «закольцовываются» минифреймы «враждебного сопротивления»:

- в начале: «А за спиной у них клубятся тучи, / зарницы блещут»;
- в финале – с повтором: «Клубятся тучи, воют злые ветры».

Тот же принцип «закольцовывания» выдержан в оформлении минифреймов, в которых рисуется светлое «настоящее/будущее»:

- в начале: «А перед ними светлая заря...»;
- в финале – с повтором: «Заря встает над обновленную землю».

Расхожая символика этих формул укоренена в коллективном бессознательном благодаря образному параллелизму, органически присущему русскому фольклору (ср.: «Налетели *ветры злые...*» из песни «Ой, да не вечер, да не вечер...») и классической поэзии (ср. со стихотворением А. Фета «*Клубятся тучи, вея в блеске алом...*») и перешедшему в репертуар революционных песен, постоянно звучавших по радио и ставших своего рода фоном советского бытия (ср. с песней: «*Вперед, заре навстречу...*» на слова А. Безыменского).

Само нарративное развертывание внутри каждого периода происходит по четко заданному алгоритму:

- перечисление (в негативной коннотации) врагов страны Советов (табл. 2, графа 3) и репрезентация их черных дел (табл. 1, графа 2);
- название (в положительной коннотации) вождя, актуального для данного периода (табл. 2, графа 2) и репрезентация эпохальных достижений (табл. 1, графа 3).

Таблица 1

Периоды	Реалии негативных минифреймов	Реалии позитивных минифреймов
1	2	3
1. Гражданская война	Черные бароны, бароны Врангель, Унгерн, атаманы Семенов и Тютюник, и Фаина Каплан, и бурнаши, и ненавистный Колчак, Махно, разруха, саботаж.	...в коммуны собираются крестьяне, и золотятся нивы. И Буденный на вороной кобыле выезжает. И светятся хрустальные дворцы, оркестры духовые, и рабочий командует блестящей машиной в спецовке белоснежной по эскизам Лисицкого и Родченко... И добивают последних буржуев на Амазонке отряды Коминтерна. Первой мая сияет над землей. Аэропланы и дирижабли в воздухе летают, летают Циолковского ракеты...
2. 30-е гг.	Кулаки стреляют по освещенным окнам сельсовета и по избе-читальне. Динамит под каждой шпалой и под каждой домной таится, и к бикфордову шнуру уже подносят спичку, озираясь, вредители в толстовках и пенсне. <...> И белофинны.	...в колхозы собираются крестьяне и золотятся нивы. И Буденный на вороной кобыле выезжает. Высотные возносятся дома. И песни Дунаевского. И с песней рабочий планы перевыполняет и получает орден. Балерина вращается. Фадеев пишет книги. Все получают ордена. <...> Над планетой летает Чкалов. Летчики-пилоты и бомбы-самолеты. Чук и Гек летят на Марс на помощь Аэлите.
3. Оттепель	Ленинские нормы партийной жизни нарушают люто перерожденцы в форме ГПУ. Стиляги и жеваги выползают и кока-колой отравить грозятся парнишек и девчат. За океаном СЕАТО, СЕНТО, НАТО, АСЕАН и Чомбе, Франко, Салазар, и венгры контрреволюционные, и неонацисты, реваншисты, ку-клукс-клан, ...и джазисты, баптисты, и примкнувший к ним Шепилов.	...в совхозы собираются крестьяне и золотятся нивы, и Буденный на вороной кобыле в кинофильме. И светлые, просторные дома без всяких там излишеств, и играет оркестр эстрадный Пахмутовой песни. Рабочий весь в нейлоне и болонье комбайны собирает для уборки по всей планете кукурузы доброй. Бренчит гитара у костра. <...> И денег нету. И взмывают ввысь в туманность Андромеды экипажи.
4. Застой	Китаезы лезут на наш Даманский, сионисты лезут на наш Египет, и чехословаки на весь соцлагерь руку занесли. И янки не желают ни в какую гоу хоум! И еврей неблагодарный в ОБИР стремглав несется. <...> Би-би-си визжит. И Сахаров войной грозит Отчизне.	...крестьяне собираются освоить методу безотвальную, бригадный подряд, и осушаются болота, и золотятся нивы. И Буденный на вороной кобыле в снах мальчишек. С улучшенной планировкой, с лифтом возводятся дома. Ансамбль играет мелодью в современных ритмах. С новым рацпредложением выступил рабочий... <...> Летят ракеты на Венеру раньше американцев. И веселый БАМ планету опоясал, и планета в цветах встречает светлый Первомай.
5. Перестройка	Времена застоя марксизм животворящий извращают, и бюрократы, взяточники, воры, и пьяницы, и даже наркоманы, и мафия, комчванство, долгострой, и формализм, и узкие места, и национализма пережитки, и экстенсивный метод, и другие явления негативные... и овощебазы...	...крестьяне собираются семейный подряд внедрять. И золотятся нивы, рабочий за компьютер персональный садится. И повсюду МЖК растут. Играют смелые рок-группы. И КСП играет. И Буденный злым «Огоньком» разоблачен уже. <...> ...знамена, кока-кола, твердый рубль!

Таблица 2

Периоды	Вожди в позитивных минфреймах	Вожди в негативных минфреймах
1	2	3
1. Граждан- ская война	...и Троцкий приветствует бойцов.	И ненавистный Троцкий источает кровавую слюну.
2. 30-е гг.	И Сталин краснознаменный, вдохновенный Сталин приветствует танкистов.	...и Сталин ненавистный...
3. Оттепель	Никита Сергеевич Хрущев на Мавзолее приветствует посланцев всех народов в году 80-м, в коммунизме.	Ненавистный волюнтарист Хрущев ЧК родную обезоружил.
4. Застой	...и награжден, и трижды награжден, четырежды наш Брежнев вдохновенный. Приветствует он всех и всех целует.	...и Брежнев, всем ненавистный...
5. Пере- стройка	С телеэкрана Михаил Сергеич, краснознаменный, вдохновенный, мудрый, Приветствует прорабов перестройки... <...> Ельцин дерзновенный...	

Помимо этого, в каждом из фреймов есть сквозные образы, переходящие из периода в период, к примеру, «золотятся нивы», «...В магазинах разные колбасы!», «Буденный на вороной кобыле» и пр.

Переменные композиционные блоки и изменчивые мотивно-образные элементы

Прежде всего, бросается в глаза перемена облика, места обитания и интеллектуального времяпрепровождения комсомольцев. Так, сидят и обнимаются они – в зависимости от периода – то «на тачанке», то «на скамейке у вышки парашютной», то «на ступеньках студенческого общежития», то «на собрании отчетном ЖСК», то «на Арбате».

Меняются труды, которые комсомольцы читают. Само название трудов знаменует один из означенных периодов. Это ленинские «Задачи Союза молодежи» (1920), сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» (1938), хрущевские «XXII съезда матерьялы» (1961), доклады XXV или XXVI съезда КПСС (1976, 1981). Выбивается из этой парадигмы партийных документов роман А. Рыбакова «Дети Арбата», вышедший в 1987 г. Этот роман, повествующий о сталинском времени, в горбачевский период произвел эффект разорвавшейся бомбы и стал знаковым произведением конца XX в., знаменующим финал советской эпохи.

Автор таким образом наполняет «слоты», что читатель может не только увидеть полнометражную смену эпохальной парадигмы по вертикали, но и насладиться реконструкцией временной горизонтали. Картинка каждого периода собирается из знаковых, узнаваемых деталей. Складывается впечатление, что Кибилов, реконструируя «вещество существования» каждого периода, работает с механизмами как индивидуальной читательской,

так и коллективной (народной) памяти. В итоге каждый период предстает как живая мозаика, запечатлевшая свое время и вызывающая у читателей массу жизненно-бытовых и эстетических ассоциаций.

Так, в знаковой системе отображения наших героев-комсомольцев огромную роль играют вещные детали. В первом периоде это тачанка, кожанка старая, кумачовая косынка, кобура, к которой привычно (!) тянутся девические пальцы, гимнастерка, побелевшая в жарких схватках, простреленная буденовка, рука в бинтах кровавых... Все эти детали уже создают узнаваемую картину гражданской войны.

Задумаемся, почему нам так знакома эта картина? Дело в том, что она пронизана живописно-плакатными ассоциациями, укорененными в коллективном сознании. Навскидку вспоминаются плакаты «Да здравствует комсомол! К седьмой годовщине Октябрьской революции» А. Самохвалова (1924), «Раскрепощенная женщина, строй социализм!» А. Страхова-Браславского (1926). В тот же ряд попадает известный плакат «Каждая комсомолка должна овладеть боевой техникой обороны СССР!» М. Бри-Бейна (1932) и даже полотна К. Петрова-Водкина, нередко изображавшего своих героинь в кумачовых косынках.

На живописные ассоциации накладываются песенные воспоминания разных эпох — знаменитая «Песня о тачанке» (1937, музыка К. Листова, слова М. Рудермана), шансон «Чубчик» (1930-е, аранжировка П. Лещенко), «Песня о Щорсе» (1936, музыка М. Блантера, слова М. Голодного). В этом ряду любопытна интертекстуальная переключка с окуджавской «Песенкой о комсомольской богине» (1966). У Б. Окуджавы: «...Но привычно пальцы тонкие прикоснулись к кобуре» (Окуджава, 2001, с. 150); у Кибирова: «...Но привычно протянулись девические пальцы к кобуре» (Кибиров, 2005, с. 823), то есть имеет место почти дословное цитирование. Более того, и во втором периоде портрет девушки дан Кибировым с отсылкой к той же «комсомольской богине», одетой, как и окуджавская героиня в мирные 1930-е гг. (ср.: «В синей маечке-футболочке комсомолочка идет» (Окуджава, 2001, с. 151)).

Однако Кибиров дополняет облик комсомолки 1930-х: «Футболка со значками ДОБРОЛЕТА и ДОБРОХИМА и БГТО». Значки здесь выступают как знаки времени: первый значок — общества Добровольного Воздушного Флота (предшественника Аэрофлота), основанного в 1923 г., целью которого, особенно полновесно реализованной в 1930-е гг., было развитие гражданской авиации. Второй значок указывал на принадлежность его носителя к достаточно малоизвестному сегодня Добровольному обществу содействия строительству предприятий химической промышленности. Это общество просуществовало всего два года (1924–1925) и современному читателю может быть известно по эпизоду из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова, в котором Корейко ускользает от преследования Остапа Бендера, скрывшись под противогазом во время учений по противохимической защите, явно организованных членами этого общества. Третьим,

самым известным значком, «Будь готов к труду и обороне», награждались подростки, сдавшие спортивные нормативы. Этот значок, как и сам спортивный комплекс, появился в 1934 г. Таким образом, вещные детали становятся социокультурными знаками поступательного движения времени.

Столь же знаков облик юноши. Если во времена гражданской войны его атрибуты – простреленная буденовка и гимнастерка, «побелевшая под солнцем... в жарких схватках», то в период социалистического строительства «на парне китель белый и фуражка, и блещут сапоги на жарком солнце», отсылающие к милицейской форме 1930-х, но вызывающие ассоциации с парадными портретами товарища Сталина.

Любопытно, что помимо функции быть визитной карточкой своего времени, в последующие периоды одежда становится характерным отображением постепенного духовного перерождения комсомольцев и самой комсомольской идеи. Так, в период «оттепели»: комсомолка – в брючках и туфлях на шпильках, комсомолец – «в ковбойке, побелевшей от целинных ветров»; в период «застоя»: она – в кримплене, он – в водолазке и венгерском пиджаке; и наконец, в период перестройки: она – «в варенках кооперативных», он – «в фирменных. И в туфлях „Саламандра“».

Автор, маркируя детали одежды, подчеркивает, что в последнем периоде они для их носителей значат нечто гораздо большее, чем просто вещи. Так, дорогие фирменные джинсы были знаком Запада и символом заветной свободы; они поднимали их счастливого обладателя на небывалую высоту. Но поскольку они были дефицитны и дороги, то в кооперативах (тоже примета российской жизни второй половины 1980-х гг.) продавались «варенки» – отечественные джинсы, вываренные в «Белизне». Столь же значимо и указание на марку туфель. Обувь «Саламандра», появившаяся в конце 1980-х гг., сразу стала дефицитом. А само слово «Саламандра» стало синонимом высокого качества и удобства.

Таким образом, автор в этом последнем «вещном» обзоре ухитряется дать не просто характерный облик комсомольцев «перестроечных» времен, но и показать перелом в их сознании. Одежда перестала быть только одеждой, она стала символом жизненного уклада и социального успеха.

В изображении этой пары, которая, сидя в обнимку, изучает партийные документы, заключена жесткая ирония, возрастающая при переходе от периода к периоду. Комсомольцы изображены как марионетки времени, остающиеся константными величинами: их психологический профиль и *modus operandi* остаются неизменными, меняются только их костюмы и парадигма восприятия социокультурного контента. Эти перемены обусловлены курсом партийной верхушки, управляющей страной, труды которой они читают и конспектируют.

Однако Кибиров не ограничивается только описанием комсомольцев, он – в заданных каждым периодом лекалах – отображает советскую историю и делает это с эпическим и энциклопедическим размахом.

Для наглядности реалии негативных и позитивных минифреймов всех пяти периодов и представлены в табличной форме (см. табл. 1).

Все события, все упоминаемые имена и явления становятся семиотическими метами, символами времени. Кибилов расставляет эпохальные знаки, привычные тогда и узнаваемые сегодня, и делает это виртуозно, необыкновенно расширяя диапазон советской истории. За каждым образом — историческая коллизия, за каждым именем — духовная драма.

Смысл стихотворения гораздо глубже, чем кажется. Вроде бы звучат плакатные лозунги, вроде бы формулы типа «золотятся нивы» или «Буденный на вороной кобыле» указывают на утопизм, конформизм и марионеточность коллективного сознания. Но однозначному толкованию изображаемого противоречит энциклопедический его охват. Автор представляет поистине «фундаментальный лексикон» советской действительности не только в утопических, но и в реально-фактических ее достижениях, одновременно показывая, как эти достижения отражаются в массовой культуре (в советских песнях и плакатах), а также в литературе и искусстве (отсюда конкретные имена авторов, произведений, персонажей: Лисицкий, Родченко, Дунаевский, Пахмутова, Фадеев, Чук и Гек, Аэлита, туманность Андромеды, «Дети Арбата» и т.д.)

Автор ставит перед собой двойную задачу. Первая задача связана с постижением закономерностей хода времени, реконструкцией основных тенденций советской эпохи во всей возможной их полноте и конкретике. Вторая задача — выявить механизм идеологического оболванивания, особенности воздействия идеологических пиар-стратегий, пропагандистской машины по промыванию мозгов.

И вторую задачу Кибилов решает с помощью инструмента тотальной иронии, балансирующей на острие фактографии, газетно-плакатной правды и гротеска. Причем гротеск выявляется только в сравнительном освещении.

Так, все вожди предстают вначале как эпохальные герои, *приветствующие* прогрессивные силы страны. Их сугубо положительная коннотация подчеркнута эпитетами *краснознаменный* и/или *вдохновенный* (см. позитивные минифреймы в табл. 2, графа 2). Но уже в последующем периоде каждый из них подвергнут поношению и остракизму, что отражено постоянным эпитетом *ненавистный* (см. негативные минифреймы в табл. 2, графа 3).

Переменчивая оценка вождей отражает релятивистские установки официальной идеологии, которые были высмеяны Дмитрием Приговым в стихотворении «День Рыбака»:

Вот День Рыбака — это День Рыбака
Рыбак в этот день бесподобен
И Божьему лику подобен
Рыбак в этот день на века
Но в день уже следующий рыбак
В день, скажем, Святого Танкиста
Он смотрит уже на танкиста
А сам он — какой-то рыбак.

(Пригов, 1989, с. 85)

В свете «Дня Рыбака», а также других подобных приговских композиций (например, «Вот избран новый Президент...», «Выходит слесарь в зимний двор...») становится понятным, почему анализируемое стихотворение имеет посвящение Д.А. Пригову. Дело здесь не только в общем концептуалистском круге тем и идей, но и в поэтической методологии, которую Кибилов, по сути дела, «заимствует» у Пригова. Кибилов, как это хорошо видно из таблицы 2, использует тот же принцип амбивалентной аксиологической игры, который был многократно опробован Д. Приговым в отношении официальных идеологов. Именно поэтому стихотворение заканчивается строкой: «И Дмитрий Алексан- ныч тут как тут!», переводящей смысловое целое всего текста в пастиш- ный регистр.

Заключение

Итак, Кибилов дает в стихотворении «Любовь, комсомол и весна» не столько эпоху, сколько ее отражение в рамках условного массового сознания. Более того, сами главные герои оказываются своеобразной производной от идеологии – идеологом в ряду других идеологов. Автор показывает, что массовое сознание как будто конструируется на стыке этих мифологов, состоит из них и может быть редуцировано к ним.

Столкновение разных идеологов, данное в прагматическом контексте современности, несомненно, приводит к иронико-пародическому эффекту. Однако, кажется, что эстетическая задача Кибилова этим не исчерпывается, ему удается выйти на некие социопсихологические закономерности. Так, во-первых, поэт показывает саму природу массового сознания, его текучесть, соотношенную с амнезийной составляющей. Во-вторых, Кибилов обнажает механизмы связи массового сознания с идеологическими мифами, реконструируя логику мифологического сознания как изнутри, так и извне.

Быть носителем мифа можно только внутри мифологической системы, за ее пределами миф теряет свою силу и подвергается ироническому снижению. Уникальность кибиловской техники как раз и состоит в том, что он конструирует совершенно особый аксиологический дейксис: ценностное положение наблюдателя одновременно предполагает нахождение в двух ценностных парадигмах.

Эта техника «двойного» зрения также была опробована в поэме «Сквозь прощальные слезы» (1987), где художественно «исследуется» феноменология советской песни. В этой поэме ирония дается действительно «сквозь прощальные слезы», а лирический субъект балансирует между приятием и отторжением. Так, с одной стороны, поэма фактически со-

стоит из кумулятивных рядов, включающих в себя цитаты-клише из советских песен, а с другой стороны, эти идеологемы как будто прорастают памятью и отсылают уже к личному прошлому субъекта.

Таким образом, само массовое сознание здесь вдруг обретает личностное, экзистенциальное измерение. Отсюда в анализируемом стихотворении проистекает и личная тема: заметим, что речь идет не только о *комсомле*, но и о *любви*. «Осложнение» идеологической тематики любовной линией как раз и свидетельствует о личном отношении субъекта речи к развертываемым картинам.

Думается, что именно эта техника двойного зрения на советский миф и была использована в анализируемом тексте Кибирова, что подтверждают и последующие стихотворения. Фактически эта стратегия является поэтическим открытием Кибирова! Иначе говоря, здесь нет концептуалистской «безжалостности» относительно советского прошлого, но есть ценностная амбивалентность, связанная с тем, что автор, иронически отстраняясь от идеологем, тем не менее понимает, что и сам является в некоторой степени их носителем.

Список литературы

- Багрецов Д.Н.* Т. Кибиров: интертекст и творческая индивидуальность. Екатеринбург: Уральский университет, 2005. 172 с.
- Бойцова А.В.* Образ времени в стихотворении Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов VI (XX) Международной научно-практической конференции молодых ученых. Вып. 20. Томск: Изд-во «СТТ», 2020. С. 250–251.
- Гандлевский С.М.* Сочинения Тимура Кибирова // Кибиров Т. Сантименты. Восемь книг. Белгород: Риск, 1994. С. 5–10.
- Зорин А.* Взгляд из зала / сост. Л. Рубинштейн // Личное дело №: литературно-художественный альманах. М.: Союзтеатр, 1991. С. 246–271.
- Кибиров Т.* Стихи. М.: Время, 2005. 856 с.
- Левин А.* О влиянии солнечной активности на русскую поэзию // Знамя. 1995. № 10. С. 218–220.
- Лейбов Р., Лекманов О., Ступакова Е.* «Господь! Прости Советскому Союзу». Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2020. 448 с.
- Липовецкий М.Н.* Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 840 с.
- Немзер А.* Тимур из Пушкинской команды // «Кто куда, а я – в Россию...» / Т. Кибиров. М.: Время, 2001. С. 5–28.
- Нурмухамедова Р.А.* Лирический субъект в поэзии Тимура Кибирова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2008. 16 с.
- Окуджава Б.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с.
- Пригов Д.* День Рыбака // Новый мир. 1989. № 12. С. 85.
- Эпштейн М.Н.* Постмодерн в русской литературе: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2005. 495 с.

Сведения об авторе:

Кихней Любовь Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Рецепции советского дискурса в русской лирике второй половины XX – начала XXI века», Ярославский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1; заведующий кафедрой истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация, 113396, Москва, Зеленый проспект, д. 66а. ORCID: 0000-0003-0342-7125. E-mail: lgkihney@yandex.ru